

КОНФЛИКТ 1929 г. НА КВЖД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ *

Во второй половине 1920-х гг. произошли значительные изменения внутривосточной обстановки в Китае. В результате правогомандановского переворота, организованного Чан Кайши, образовались три центра, претендовавших на общегосударственное значение: Пекинское правительство, пользовавшееся международным признанием как центральное правительство Китая, но не обладавшее реальной властью; Уханское правительство, состоявшее из представителей левого крыла Гоминдана, некоторое время сохранявшее власть в центральном Китае (провинции Хубэй, Хуань, Цзянси), и, наконец, Нанкинское правительство, состоявшее из правых гоминдановцев. Именно последнее в октябре 1928 г. объявило себя национальным правительством страны, перехватив власть у Пекина. Партия Гоминдана переориентировалась на Запад, что не могло не привести к ухудшению советско-китайских отношений. Апогеем этого процесса стал конфликт 1929 г.

Конфликт возник вокруг Китайско-Восточной железной дороги, находившейся в соответствии с соглашениями 1924 г. в совместном советско-китайском управлении. Фактически же во второй половине 1920-х гг. дорога почти полностью превратилась в советское предприятие. С приходом к власти в Китае Чан Кайши, последовательно проводившим линию на уменьшение советского присутствия в стране, положение на дороге стало резко меняться, и в июле 1929 г. губернатор Маньчжурии Чжан Сюэлян по согласованию с Чан Кайши объявил о национализации КВЖД. В сложившихся условиях как Москва, так и Пекин стремились переложить ответственность за нагнетание напряженности друг на друга.

По мнению китайской стороны, ее действия стали ответом на возрастающее советское влияние в Маньчжурии. При этом речь, как правило, шла о деятельности Коминтерна и советских спецслужб, т. е. об «использовании финансовых средств КВЖД для подрывной деятельности против Китая». Именно к этому

аргументу апеллировали китайские власти, обосновывая обыски, проведенные в конце мая 1929 г. в Генеральном консульстве СССР в Харбине, а также в советских консульствах в Сахалине, Цицикаре и Маньчжурии. Результатом этого стало настойчивое стремление китайской стороны провести в отношении 39 арестованных сотрудников Управления КВЖД и советских хозяйственных учреждений в Харбине открытый судебный процесс, где она намеревалась документально подтвердить свои обвинения.

В свою очередь, Советский Союз предпринял ответные шаги, приведшие к вооруженному конфликту и разрыву отношений с Пекином. В июле из Москвы последовала директива о развертывании на КВЖД широкого забастовочного движения, принявшего вид кампании по «самоувольнению» советских служащих. Одновременно поступили распоряжения о закрытии советского торгового представительства, отделений Нефтеиндустрии, Совторга, Госторга и др. Согласно приказу, до конца июля всем советским хозяйственным организациям, работавшим на территории Маньчжурии, предписывалось свернуть свою деятельность и вывезти в СССР имущество, ценности и персонал. Было также прекращено железнодорожное сообщение между КВЖД и Забайкальской и Уссурийской железными дорогами.

Ответ китайских властей не заставил себя долго ждать. Десятого июля последовал приказ об увольнении советской администрации дороги. Были арестованы ряд высших административных работников, 20 из которых подлежали немедленной высылке из страны. Китайские власти поспешили также заявить о закрытии советских хозяйственных учреждений, аресте и высылке около 30 сотрудников из числа руководящих работников. Уже вечером часть арестованных под усиленным конвоем была отправлена в СССР. Советская сторона истолковала события 10 июля как «захват» КВЖД и грубое нарушение соглашений о паритетном управлении дорогой.

Одним из первых шагов китайской администрации КВЖД стал роспуск просоветских профсоюзов, призывавших к акциям протеста в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-00471а.

виде забастовок и массового самоувольнения с дороги советских служащих, которые китайская сторона расценила как саботаж и антигосударственную пропаганду среди русского населения. В Харбине и на ст. Пограничная китайская полиция заняла телеграф, тем самым лишив советскую сторону оперативной связи, текущей информации о происходящем и возможности контролировать забастовочное движение. В течение последующей недели по всей линии КВЖД прокатилась волна обысков и арестов среди профсоюзных активистов и членов стачечных комитетов. Всего в июле были арестованы более 200 человек. Непосредственной причиной арестов советских железнодорожников выступала, как правило, подача заявления об увольнении со службы и отказ выйти на работу. Наиболее массовые невыходы на работу и последующие увольнения имели место в Харбине, где только за один день 20 июля заявили о прекращении работы 400 советских педагогов, а 22 июля отказались выйти на работу 120 рабочих железнодорожных мастерских. Вскоре из Москвы по линии профсоюзов последовали директивы о прекращении кампании по «самоувольнению», но процесс к тому моменту принял необратимый характер.

Семнадцатого июля 1929 г. СССР заявил о разрыве дипломатических отношений с Нанкинским правительством (которое объявило об этом еще в конце 1928 г.), после чего последовала высылка дипломатов и оставшихся в стране советских торговых представителей. В 20-х числах июля был эвакуирован персонал советских консульств в Харбине, Хайларе, Цицикаре, Сахаляне, Пограничной, Маньчжурии, Пекине и Тяньцзине. Китайским дипломатам также предложили немедленно покинуть пределы СССР. Дипломатическим посредником в урегулировании конфликта стала Германия, на дипломатические службы которой была возложена защита интересов китайцев в СССР и советских граждан в Китае.

Нарастание конфликта вокруг КВЖД обострило противоречия между белой эмиграцией и советской колонией Китая. В 1929 г. количественное соотношение между эмигрантами и советскими гражданами были приблизительно одинаковым: из 57 тыс. русских, проживавших в Харбине, советских граждан было 26,7 тыс., а эмигрантов – 30,4 тыс. человек¹. Следует отметить, что эмиграция единодушно поддержала действия китайской стороны. Подобная линия не в последнюю очередь диктовалась тем обстоятельством, что помимо очевидной политической подоплеки противостояния, в условиях увольнения с дороги советских граждан эмигрантам предоставлялась возможность «вер-

нуться» на КВЖД. Последовал ряд обращений в Лигу Наций и к иностранному дипломатическому корпусу с воззваниями, осуждавшими действия советской стороны накануне и в период конфликта. Бойкотировались товары советского производства, оказывалась помощь перебежчикам из СССР и т. д. Горячий отклик в среде эмиграции получили кампании в поддержку «трехреченцев», в пользу которых было собрано более 2 тыс. американских долларов². Несмотря на широкое участие в конфликте русских из числа эмигрантов, их действия были разобщенными, а созданный для координации всей антисоветской работы на территории особого района восточных провинций Комитет действия никакой эффективной работы наладить так и не смог.

В отличие от Маньчжурии, в Синьцзяне, напротив, в период конфликта прокатилась волна ограничений как раз в отношении антисоветски настроенных русских эмигрантов. Возможно, это было связано с тем фактом, что в СССР в отношении представителей данного региона Китая никаких репрессий не проводилось. Несмотря на то что центральное правительство в Нанкине настаивало на отзыве сотрудников всех пяти китайских консульств с территории Средней Азии и Казахстана, синьцзянские власти проигнорировали это требование. Советские и китайские консульские учреждения в регионе продолжали функционировать, несмотря на разрыв между Москвой и Нанкином³. Через Синьцзян продолжалась и двусторонняя торговля.

В сводках ГПУ о политическом состоянии русскоязычного населения в полосе отчуждения КВЖД отмечалось широкое распространение слухов о скорой войне и вводе частей Красной армии на китайскую территорию. Вместе с тем, несмотря на воинственные настроения и ожидание от правительства решительных шагов в отношении китайцев, подчеркивалось, что только вступление в конфликт частей регулярной армии может толкнуть на активные действия широкие массы просоветски настроенного населения⁴. В сентябрьских сводках, основанных на показаниях перебежчиков, указывалось: советские железнодорожники испытывают серьезные материальные затруднения, семьи арестованных выселяют из квартир, под угрозой арестов и увольнений советские граждане вынуждены давать подписки о неучастии в деятельности профсоюзов и советских организаций, их заставляют принимать китайское гражданство. В октябре–ноябре положение советских граждан квалифицировалось уже как «критическое», и на фоне массивной антисоветской кампании часть советской колонии стала склоняться к выезду в Советский Союз⁵.

События на КВЖД обострили внутривосточную ситуацию в самом СССР. Согласно приказу ОГПУ от 20 июля 1929 г., в ответ на действия властей Китая надлежало провести массовые аресты китайских граждан в Сибири и на Дальнем Востоке в количестве 1–1,5 тыс. человек⁶, а также осуществить «зачистки» от «контрреволюционного элемента» пограничной полосы и районов, прилегающих к железным дорогам. Следуя директивам из Центра, поступившим в середине июля, советские и партийные органы развернули широкую агитационно-массовую работу⁷, по стране прокатилась волна митингов и демонстраций протестов. Помимо агитационных мероприятий конфликт на КВЖД сопровождался подписной кампанией на государственные займы, сборами в поддержку армии и целым рядом мероприятий по оказанию помощи советским гражданам, пострадавшим в ходе конфликта. Вместе с тем в сводках «О настроениях в городе и деревне в связи с событиями на КВЖД», подготовленных информационными отделами местных партийных органов, говорилось о «низкой политической активности» населения, отмечался всплеск слухов о «скорой войне» на востоке, указывалось на факты появления очередей за товарами первой необходимости и «активизацию контрреволюционного элемента»⁸.

Пик напряженности в советско-китайских отношениях относится к августу 1929 г. Число уволившихся советских железнодорожников в этом месяце достигло 6 тыс. человек: только за два дня, 8 и 9 августа, прекратили работу около 3 тыс. человек. Таким образом, общее количество служащих, уволившихся по собственному желанию, достигло почти 8 тыс. человек⁹. Пытаясь пресечь эту тенденцию, китайская администрация дороги издала приказ, разрешающий вернуться на дорогу советским служащим, если они не будут состоять в нелегальных организациях и вести пропаганду. Никакого эффекта данная мера не принесла, и контингент дороги пришлось пополнять за счет китайского и белоэмигрантского населения. В начале сентября маньчжурскими властями был издан приказ об аресте всех самовольно оставляющих работу сотрудников. В Харбине было введено чрезвычайное положение, начались массовые аресты и репрессии против советских граждан. Газеты пестрили сообщениями о трех тысячах советских граждан, арестованных на ст. Маньчжурия и в Харбине, нескольких сотнях арестованных в Хайларе и на ст. Пограничная, погромах, издевательствах и убийствах.

Арестованных советских железнодорожников разместили преимущественно в Сумбейском лагере близ Харбина. Под лагеря были пе-

реоборудованы помещения городских механических мастерских и депо. Что касается Сумбейского лагеря, то он представлял собой 22 барака, которые ранее использовались для изоляции больных во время эпидемий чумы. По данным советских перебежчиков, допрошенных органами ОГПУ, в лагере содержалось до 3 тыс. человек, среди арестованных были женщины и дети. Перебежчики особо отмечали случаи пыток арестованных и тяжелейшие условия содержания в лагере. По данным китайской стороны, в начале сентября 1929 г. в Сумбейском лагере содержалось 948 заключенных из числа советских граждан, в середине сентября – 1 168, в начале октября – 1 300 человек. Еще свыше 700 человек арестовали и поместили сюда в течение октября и ноября. Вскоре, правда, китайские власти согласились частично освободить женщин и детей. Еще 86 человек, в том числе 39 служащих харбинского консульства СССР, арестованные во время обыска 27 мая 1929 г., были осуждены китайским судом 15 октября и содержались в тюрьме Харбина. Лагеря находились также в Хайларе и Цицикаре. Таким образом, более 2 тыс. советских граждан, проживавших по линии КВЖД, подверглись арестам, которые китайская сторона оправдывала массовым саботажем и вредительством, и на протяжении нескольких месяцев находились в заключении.

Усилиями генерального консула Германии в Харбине Штоббе в конце августа – начале сентября семьям арестованных советских граждан организовали выдачу пособий из средств, полученных от правительства СССР. В октябре 1929 г. удалось урегулировать вопросы содержания, в частности снабжения пищей и одеждой заключенных Сумбейского лагеря, в том числе за счет нового транша в 100 тыс. руб., переданного советским правительством для оказания экстренной помощи своим подданным. В начале ноября здесь началась массовая голодовка в ответ на запрет китайских властей выдавать пособия советским гражданам¹⁰. По неподтвержденной информации, содержащейся в отчетах ОГПУ, германский консул предлагал заключенным воспользоваться правом репатриации в СССР, однако последние якобы отказались, опасаясь «обвинений в контрреволюционности»¹¹.

Помимо ширококомасштабных арестов членов советской колонии, с июля Китай начал проводить насильственные выселки и депортации советских граждан в СССР. Первыми были выселены члены администрации КВЖД, ответственные работники советских торговых и хозяйственных организаций. В целом, согласно информации, помещенной в советской прессе, китайской стороной было депортировано 354 человека, столь-

ко же китайских граждан выслали из СССР¹². В августе на пограничные пункты, в первую очередь на ст. Маньчжурия (китайская сторона настаивала на депортации именно через эту пограничную станцию), стали прибывать беженцы из числа советских граждан, желающих выехать в СССР. Ссылаясь на закрытие границы, китайские власти не допустили советские поезда на станцию, что вынуждало депортируемых пешком, под конвоем полиции переходить границу. В начале августа число беженцев, скопившихся здесь, достигло 200 человек (преимущественно женщины и дети), но китайская сторона отказывалась пропускать беженцев на советскую территорию, увязывая эту проблему с возобновлением железнодорожного сообщения. Маньчжурские власти 22 сентября 1929 г. вообще запретили выезд советских граждан из данного пограничного пункта. Тем не менее поток беженцев к приграничным станциям нарастал. С началом военных действий часть беженцев предпочли остаться на ст. Маньчжурия, дожидаясь прихода Красной армии, другие – хлынули обратно в Харбин.

Уже в конце лета 1929 г. СССР и Китай оказались на пороге войны. Участились провокации и пограничные столкновения. Вооруженные силы СССР, расположенные на Дальнем Востоке, 7 августа 1929 г. были объединены в Особую Дальневосточную армию (ОДВА) под командованием В. К. Блюхера. На забайкальском и приморском пограничном направлении сконцентрировались около 100 тыс. китайских солдат, тогда как со стороны СССР в конфликте на территории Китая приняло участие всего 18,5 тыс. человек. Вместе с тем 300-тысячная Мукденская армия, значительно превышавшая ОДВА по численности, существенно уступала советским войскам в военно-техническом отношении.

Еще до начала конфликта, в конце сентября – октябре, Красная армия силами 54-го пограничного отряда провела три военных рейда на территорию Китая в районе Трехречья, ставя перед собой задачу дестабилизировать обстановку в приграничной полосе, заселенной в основном казаками-белоэмигрантами. Двадцать восьмого сентября нападением подверглись все населенные пункты, расположенные по направлению к пос. Тынхе, Драгоценка и Усть-Щучье. Наиболее разрушительными последствия этих операций стали для пос. Вормары, Аргунск, Комарово и Домысово, которые были полностью разгромлены. Одиннадцатого октября произошел налет на пос. Лабдарин, Кицинор и Усть-Уровск. Всего в ходе рейдов погибло более 130 мирных жителей Трехречья¹³; а русское население ушло из приграничных районов в глубь Трехречья, в долину р. Дербул. Новая операция на этой терри-

тории планировалась ОДВА на декабрь 1929 г., но из-за начавшихся переговоров по урегулированию конфликта и учитывая длительность планируемой операции, которая могла занять до 10 дней, Москва приняла решение не вводить регулярные войска в Трехречье¹⁴.

Летом – в начале осени 1929 г. после трехлетнего затишья активизировалась деятельность белогвардейских отрядов на границе, что было следствием обострения ситуации на КВЖД. На страницах советской прессы фигурировали цифры от 5 до 70 тыс. человек: именно столько белогвардейцев якобы входило в состав Мукденской армии. По оперативным данным полномочного представителя ОГПУ Дальневосточного края, на протяжении советско-китайской границы от Даурии до Владивостока, в зоне дислокации 53 и 59-го пограничных отрядов, действовало 12 белобандитских формирований, численность которых в условиях военного времени могла бы достигать 1,5 тыс. человек, а максимальная численность всех военизированных эмигрантских организаций оценивалась в 6 тыс. человек¹⁵. Лидеры дальневосточной эмиграции, в свою очередь, в ряде публичных заявлений утверждали, что осуществляемая с территории Китая вооруженная борьба белой эмиграции не может служить поводом для советско-китайского конфликта, поскольку «на территории Китая нет [крупных] белых вооруженных формирований, действующих против СССР»¹⁶. В то же время, согласно оперативным данным ОГПУ, основными районами дислокации белогвардейских формирований являлись ряд приграничных районов, а также Трехречье и Мулинские копи. Наиболее крупной из белогвардейских групп, действовавших в приграничье, являлся отряд Гордеева, расквартированный на ст. Якеши и Пограничная. Наибольшую известность в этот период приобрела группа Мохова численностью 25 человек, перешедшая на территорию СССР в районе Пограничной 10 сентября и окончательно ликвидированная лишь 21 октября 1929 г. Захваченные на территории СССР белогвардейцы по распоряжению ОГПУ были приговорены к расстрелу¹⁷.

В рамках собственно военного конфликта в период с 12 октября по 20 ноября 1929 г. Особой Дальневосточной армией были последовательно проведены три наступательные операции на территории Китая: Сунгарийская (12 октября – 2 ноября), Мишаньфуская (17–18 ноября) и Маньчжуро-Чжалойнарская (17–29 ноября). Первоначально военные действия велись на благовещенском направлении, против Сунгарийской военной флотилии в устье р. Сунгари (в районе Лахасусу–Фугдин). Мишаньфунская

операция была проведена западнее оз. Ханка. Но наиболее заметные успехи были достигнуты советскими войсками в ходе Маньчжуро-Чжалойнарской операции, в результате которой были заняты Чжалойнор (Джалайнор), Чжалайнорские копи, Хайлар и Маньчжурия.

В ходе военных действий в плен было взято несколько тысяч китайских солдат, проведены аресты и депортации русских эмигрантов. По сведениям белоэмигрантской прессы, свыше 600 трехреченских поселенцев были насильственно вывезены в СССР¹⁸. Согласно информации ОГПУ, после отхода советских войск в СССР были отправлены из Чжалайнора и Маньчжурии более 150 белоэмигрантов (по другим источникам до 300–400 человек)¹⁹. После завершения операции только на ст. Маньчжурия количество беженцев, желающих покинуть Китай, достигло 3 тыс. человек. Эвакуация советского населения началась 21 ноября, последний эшелон с советскими гражданами прибыл из Маньчжурии в СССР в ночь на 25 декабря 1929 г. Эвакуируемое население предполагалось разместить преимущественно в Забайкалье, где их расселением занималась специальная комиссия. Впоследствии железнодорожников с КВЖД частично распределили по железным дорогам страны, а шахтеров Джалайнора – в г. Сучан (Артем). Движение по КВЖД в полном объеме было восстановлено только после завершения эвакуации.

Советско-китайский конфликт был урегулирован в ходе переговоров, закончившихся подписанием 22 декабря 1929 г. так называемого «Хабаровского протокола». Статус-кво на КВЖД был восстановлен, а права СССР в отношении дороги сохранены. Все арестованные после 1 мая в полосе отчуждения КВЖД советские граждане освобождались из заключения, одновременно в СССР освобождались арестованные в связи с конфликтом китайские граждане и интернированные китайские солдаты и офицеры. Всем рабочим и служащим КВЖД – гражданам СССР, уволенным или уволившимся по собственной инициативе, предоставлялось право вернуться на занимаемые должности и получить причитающиеся выплаты. С теми из уволенных, кто не воспользовался этим правом, предполагалось организовать полный расчет по заработной плате, пенсионным и другим социальным выплатам²⁰. Предусматривалось восстановление советских консульств в Северо-Восточном Китае, равно как и китайских консульств в Сибири и на Дальнем Востоке. Возобновлялась работа советских хозяйственных организаций в Китае и деятельность китайских коммерсантов в СССР.

Конфликт между СССР и Китаем лета–осени 1929 г. получил широкий международный резонанс и оказал значительное влияние не только на стороны, непосредственно участвовавшие в конфликте, но также на сопредельные государства. Достаточно сказать, что данный инцидент привел не только к военному столкновению между СССР и Китаем, но и росту националистических, в том числе и просоветских настроений в ряде регионов этой страны, увеличению численности армий Тувинской народной и Монгольской народной республик в связи с «возросшей китайской угрозой», закрытию китайско-монгольской границы, прекращению торговых отношений Монголии с Китаем. Последствия конфликта, да и то лишь частично, были преодолены лишь в 1930–1931 гг. События 1929 г. стали свидетельством функциональных изменений в советско-китайских отношениях, будучи признаком неизбежного (в перспективе) сокращения советского влияния в Маньчжурии, поскольку, с одной стороны, советское присутствие на КВЖД ущемляло суверенитет Китая, с другой, – несмотря на временное улучшение советско-японских отношений, противоречило «особым» интересам Японской империи на северо-востоке Китая.

Материал поступил в редколлегию 08.12.2005

¹ Жао Ланьлунь. Общие сведения о проживающих в Харбине русских эмигрантах в период 1917–1931 гг. // Бэйфан вэнью. Харбин, 2000. № 1. С. 81–86.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 330.

³ Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. М., 1992. Т. 2. Ч. 1. С. 106–107.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 101. Л. 12; Д. 112. Л. 85.

⁵ Там же. Д. 112. Л. 360.

⁶ Там же. Д. 111. Л. 13.

⁷ ГАНУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3601. Л. 141.

⁸ Там же. Л. 336, 339 и др.

⁹ Красное знамя (Владивосток). 1929. 10, 20 авг.

¹⁰ Сов. Сибирь. 1929. 2 нояб.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 222.

¹² Красная звезда. 1929. 6 окт., 12 окт.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 374.

¹⁴ Там же. Д. 111. Л. 137.

¹⁵ Там же. Д. 101. Л. 8, 13.

¹⁶ Руль (Берлин). 1929. 17 дек.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 13.

¹⁸ Балакишин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958. С. 157.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 111. Л. 124; Красное знамя (Владивосток). 1929. 4 дек.

²⁰ Сов. Сибирь. 1929. 24 дек.